

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА СЕВЕРНЫЙ И СРЕДНИЙ ДАГЕСТАН ДО УНИЧТОЖЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ЛЕЗГИНОВ НА ЗАКАВКАЗЬЕ.

Отрывок из рукописи Подполковника Неверовского

САНКТПЕТЕРБУРГ.

В ТИПОГРАФИИ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

с тем, чтобы по отпечатании представлено было в Ценсурный Комитет узаконенное число экземпляров.

С. Петербург, Декабря 13 дня 1847 года.

Ценсор А. Крылов.

(При составлении этого отрывка, кроме собранных автором сведений, служила также вспомогательным средством газета «Кавказъ.»)

Кто был в горах Дагестана, кто знает бедность природы и вообще скудность средств этого края, тот не может допустить мысли, что бы горы были заселены добровольно. Одна опасность могла заставить искать убежища в неприступных местах, и опасность эта представлялась не один раз. Достаточно только вспомнить, что Кавказ был театром разнообразных происшествий: Кавказ прорезали Александр Македонский, Помпей и Митридат. Через Кавказ пролегла большая дорога при общем передвижении народов. Один народ уступал место другому, один гнался за другим, один перед другим бежал. Многочисленные орды различного [2] происхождения прошли через этот край, и не одно племя, загнанное и лишенное возможности спуститься на равнины, навсегда поселилось в горах. От того-то происходит это разнообразие в очерках лица, обычаях и языках.

Многие завоеватели и народы, при вторжении в Кавказ, устремлялись преимущественно по двум дорогам: или около западного берега Каспийского Моря, или прорезывали середину Закавказья. А потому племена, жившие на этих путях, должны были или покоряться, или уступать место и искать убежища в горах. От повторения подобных происшествий и Дагестан более и более заселялся, и наконец появляются на поприще Истории обитатели этого края под общим названием Лезгинов, которые сделались со временем страшными для своих соседей и грозой для всего Закавказья.

О первых обитателях Дагестана нет письменных сведений, а предания так темны и так противоречат одно другому, что трудно сказать об них что-либо верное и положительное. В первый раз упоминается о Дагестане за 320 лет до Р. Х., когда Александр Македонский прошел через этот край. Изъявили-ли тогдашние Дагестанцы добровольно покорность великому монарху, или были принуждены к тому силою оружия, нынешние горцы об этом ничего не знают; но многие из них рассказывают, что он действительно был в горах Дагестанских, и в подтверждение своих слов указывают на древние мосты и башни, будто бы им построенные. Впрочем должно заметить, что одни древние мосты и башни, без других фактов, не могли бы еще [3] служить верным доказательством, потому что горцы все вообще старинные постройки приписывают трудам первого великого полководца, называя его Искендером Великим.

Поражение Митридата за 65 лет до Р. Х., претерпенное им от Римлян, после которого он бежал через Кавказский Хребет в Тавриду, занятие вслед за тем Римлянами Иверии (нынешняя Грузия и Имеретия) и Албании (Кахетия и страна южнее реки Самура), приход Хозаров в 212 по Р. Х. в Армению, изгнание их из этого царства в 310 году, и наконец общее передвижение народов, имели также, без сомнения, влияние и на заселение Дагестана, от того что, вероятно, не одна жертва искала убежища и спасения в горах. Но до какой степени это влияние простиралось, трудно определить.

Во второй половине VIII столетия, Аравитяне утверждают свою власть на Кавказе. Они не только распространили учение Магомета в Дагестане, но желая прочнее удержать за собою этот край, назначили туда своих правителей. Так в северной его части является Шамхал Тарковский, или Дамасский Князь, потому что на арабском языке шам значить Дамаск, а хал князь; в средней части Уцмий Каракайтагский, а по арабски исмий значит именитый, и наконец, в самой середине гор, Хан Аварский. Шамхал Тарковский был первым лицом в Дагестане, и в случае каких-либо недоразумений, должно было прибегать к его посредничеству, а от того он и называется также Валием Дагестанским, то есть верховным судьей, титул, который шамхалы по сие время сохранили. [4]

Об образовании Казикумыкского и Кюринского Ханств и Майсунства или владения Бека Карчагского, нет положительных сведений и неизвестно существовали ли они во время

прихода Аравитян в Дагестан; а если существовали, то находились ли в зависимости от правителя Дербента, или сохранили свою самостоятельность.

Неизвестно также, удовлетворялись ли победители принесенной покорностью вольными обществами и распространением между ими магометанской веры, или подчинили их кроме того, хотя по наружности, назначенным правителям; однако нет никакого сомнения, что сказанные общества существовали до прихода Аравитян, потому что Дагестан всегда состоял из разнообразных частей.

Как бы то не было, но Аравитяне первые оставили глубокие следы своего владычества в Дагестане, как в религиозном, так и в административном отношении, и пока они были могущественны, то этот край находился в зависимости от Аравийского Халифата. С падением их власти, простирают свои виды на весь Кавказ, а следовательно и на Дагестан, Турки и Персияне. Однако попытки их не увенчались успехом, потому что в XII столетии они были разбиты на голову Грузинскую Царицею Тамарою, супругою Русского Князя Георгия Боголюбского, которая, по уверению Грузинов, мечом распространила христианскую веру будто бы в целом Дагестане. Впрочем, последнее обстоятельство подлежит сомнению: можно согласиться, что распространила ее во многих местах Дагестана, но повсеместно — невероятно! [5]

Грузины также рассказывают, что Царица Тамара обложила Лезгинов данью. Удаленные общества от Кахетии платили дань скотом и деньгами, а ближайšie, именно Дидойцы, обязаны были доставлять летом лед в замок повелительницы, носящий ее название и существующий доныне в Кахетии, на высокой горе, между Карагачем и Царскими Колодцами.

Влияние Грузинов на Дагестан было непродолжительно: вторжение войск Чингис-Хана в Грузию, в начале XIII столетия, нарушило существовавший порядок вещей, а нашествие, во второй половине XIV столетия, Тамерлана, покорившего Персию, Грузию и Дагестан, и прошедшего чрез Кавказ до горы Эльбрус, совершенно уничтожило труды Царицы Тамары. Тамерлан, распространив вновь между Лезгинами магометанскую веру, подчинил их своей власти, оставив владетелей на прежнем основании (Впрочем, в горах существует предание, что Лезгины подчинились Тамерлану добровольно, ради дружеских с ним сношений, но не были к тому принуждены силою оружия.) .

С падением власти Монголов, Турки и Персияне опять обратили свое внимание на Кавказ, и, после многих удач и неудач с обеих сторон, приступили наконец в 1676 году к разделу между собою закавказских владений. В следствие раздела, Дагестан достался Персии. Но Шахи Персидские не могли уже оказывать на этот край даже и того влияния, какое оказывали Аравитяне, потому что Дагестан во многих изменился.

Действительно, правители, назначенные [6] Аравитянами, пользуясь частою переменою своих владетелей и удаленностью их, обратились наконец в владетелей наследственных в своем роде, носивших только тень зависимости. Вольные общества, следуя их примеру, и опираясь на неприступную местность, не признавали ничьей власти над собою и помогали только владетелям в их набегах, за условленную плату, или в надежде получить хорошую добычу. Кроме того, Дагестан, бедный средствами существования, не мог удовлетворять потребностям увеличивавшегося народонаселения; а потому горцы вынуждены были прибегнуть к грабежам, к которым подстрекало также и богатство соседей. Грабежи эти и сопряженная постоянно с ними опасность соделали их воинственными, и приучили превосходно владеть оружием, а крепкая и часто недоступная

местность, давая возможность защищаться против несравненно сильнейшего врага увеличила еще более уверенность в собственные силы.

Вот как изменился Дагестан после появления в нем Аравитян! Из обитателей, искавших спасения и убежища в горах, образовался народ дикий, храбрый, воинственный и способный к перенесению многих трудов и лишений.

Когда обитатели гор Дагестана являются на сцене Истории под общим названием Лезгинов, положительно неизвестно; но, населяя землю бесплодную и скудную дарами природы, они, с увеличением народонаселения, по необходимости должны были с давнего времени снискивать себе пропитание силою оружия, вне родных аулов. И вероятно Царица Тамара старалась усмирить граничащие с Кахетиею [7] дагестанские общества не для честолюбия, а чтобы оградить от их набегов пределы своего царства. Коротко: десятки тысяч Лезгинов ежегодно сходили с гор на долины между Черным и Каспийским Морями, или для грабежей и собирания даней, или для найма себя в охранное войско к различным владетелям Северо-Западной Азии. Однако весьма немногие из них оставались на поселении в долинах, прочие же, не быв в состоянии переносить жар южных низменных мест, возвращались в горы с приобретенною добычею, и жили там до тех пор, пока нужда снова не выгоняла их на разбои. Это обстоятельство, то есть неспособность переносить климатические перемены жаркого климата, и служило причиною, что Лезгины, сделавшись в последствии грозою для всего Закавказского Края, нигде не утвердили своего владычества, за исключением только одного места.

Богатейшая и плодороднейшая грузинская провинция, заключающаяся между Кавказским хребтом, Алазанью, Курою и Шекинским Ханством, пала во власть Лезгинов в половине XVI столетия, без большого сопротивления со стороны туземцев. Пользуясь правами победителей, они разделили между собою поровну как земли, так и побежденных, назвав последних Энгильойцами, или новыми Лезгинами, с предоставлением им, однакож, свободы христианского вероисповедания. По водворении своем на занятом участке земли, Лезгины образовали три геза, или союза: элисуйский, тальский и джарский. В первом из них полным властелином был султан, а в последних двух верховная власть и главное управление принадлежали собственно Лезгинам, потому что прочие [8] обитатели Христиане и Мусульмане других племен, принятые на поселение, считались рабами. Впрочем, должно заметить, что, при определении в гезах прав сословий, личности, собственности и общественных доходов, Лезгины руководствовались не одним произволом, но также постановлениями Шариата и существовавшими обычаями, как у них, так и у побежденных. С упрочением своей власти на плоскости, поработители, составляя мощный союз, существовали почти три столетия без всяких политических изменений, и не утратили суровой воинственности горцев, не смотря на занятую ими плодородную обильную дарами землю, не смотря на избыток разного рода земных произведений, которые доставляли им рабы их. Они, по прежнему, считали войну единственно достойным себя упражнением, и к ним как на сборное место, стекались из Дагестана жители различных обществ для нападения на сопредельные владения, а в особенности на Грузию. Руководимые старшинами джарскими, Лезгины грабили целые провинции, собирали дань, уводили в горы сотни семейств, захваченных в плен, которые перепродавали потом чрез многие руки в Турцию. Одна Грузия ежегодно теряла от их набегов пленными до 300 семейств.

Находясь в подобном положении, вольные общества Дагестана и не хотели слышать о зависимости, а владетели, для собственных выгод, считали необходимым не только поощрять буйство Лезгинов, но даже сами участвовали в их набеге. Действительно, если

бы вольные общества покорились, победителю легче было бы тогда подчинить своей власти и владетелей. [9]

Персияне, получив в удел восточную часть закавказских владений, не могли обуздать Дагестанцев. Посылаемые против них отряды претерпевали одни только поражения, которые навели такой страх, что говорят, будто бы существует на персидском языке поговорка. «Если Шах глуп, то пусть пойдет войною на Лезгинов».

Не имея возможности усмирить горцев, Персия вынуждена была, для защиты Грузии от их разорения, содержать в ней постоянное охранное войско, однако и эта мера не могла оградить ее от хищничества: Лезгины невидимо прокрадывались до самого Тифлиса, и под его стенами захватывали десятки пленных.

Впрочем должно заметить, что до XVIII столетия владетели считали еще себя, хотя по наружности, в зависимости от Персии: волнения же этого государства, в царствование несчастного Шаха-Гуссейна, отразились и на Дагестане. Лезгины сделались еще более дерзкими, владетели воспользовались этими волнениями, что бы совершенно отложиться, а предприимчивым людям было открыто свободное поприще для приобретения новой власти, новых владений.

Шах-Гуссейн, стесненный Мир-Махмудом, опустошавшим Персию огнем и мечом, и не быв в состоянии остановить успехи бунтовщика, прислал в 1720 году к Шамхалу Тарковскому и Уцмию Каракайтагскому значительные суммы денег и подарки, с приказанием собрать как можно более войска, и отправиться с ним против Мир-Махмуда. Приказание Шаха было исполнено, и набранное войско, следуя под предводительством Сурхай-Хана [10] Казикумыкского, достигло уже Ширвани. Но здесь явился к Сурхай-Хану Дауд-Бек, совершенно изменивший, своими советами, назначение посланного в Персию подкрепления.

Дауд Бек был низкого происхождения. После путешествия в Мекку и Медину, он принял, по обыкновению, название Хаджи, а потом, сделавшись предводителем небольшой партии грабителей, присвоил себе звание бека и назывался Хаджи-Дауд-Бек. За производимые им разбои, он содержался долгое время под арестом в Дербенте. Уйдя же из этой крепости, перед началом возмущений в Персии, и набрав вновь до тысячи человек, спешил присоединиться с ними к Сурхай-Хану под тем предлогом, будто желал привести их на помощь к Шаху и тем убедить в своей верности. Догнав Сурхай-Хана еще в Ширвани, Дауд-Бек представил ему возможность сделаться, при тогдашних обстоятельствах, значительными и богатыми людьми, подтверждая это тем, что находившееся у них войско позволяло им предпринять что либо решительное, без всякого препятствия со стороны Шаха, притесненного Мир-Махмудом. Сурхай-Хан, находясь и прежде в дружеских отношениях с Дауд-Бек, и производя вместе с ним разбои, легко склонился на его предложения. После чего они объявили, что по внушению свыше, назначены избавить правоверных мусульман, то есть суннитов, от персидского ига, под которым они так долго страдали, а самих Персиян, как еретиков, истребить. Для исполнения же этого и получения свободы, все последователи секты сунни должны были немедленно к ним присоединиться. [11]

Воззвание Сурхай-Хана и Дауд-Бека не осталось без отголоска: суеверные, а главное лезгинские общества, привыкшие жить грабежом, приставали к ним толпами. Собрав значительное скопище, они разграбили весь Ширван, и получив в добычу огромные сокровища, остались в Шемахе, где всех Персиян и самого Хана умертвили, и вместе с ними 300 человек русских купцов.

Император Петр Великий, узнав о положении Шаха-Гуссейна и обидах, нанесенных Русским в его государстве, а также желая осуществить мысль о проложении пути в Индию, решился предпринять поход в Персию чрез Дагестан. Но с этим краем Россия имела первое неприязненное столкновение еще в конце XVI и в начале XVII столетий.

В 1594 году, Царь Феодор Иоанович приказал построить на реке Койсу (Сулаке) город того же имени, откуда Русские держали в повиновении всю плоскость до самого города Тарки. Царь Борис Феодорович Годунов продолжал начатое, и приказал построить другой город, недалеко от первого. Но так как возмущившиеся Кумыки и Шамхальцы препятствовали построению второго города, то были посланы против них, в 1604 году, Окольничие Бутурлин и Плещеев, которые, победив Шамхала, заложили крепость в Тарках, Буйнаках и на Тузлуке. Однако Русские недолго пользовались приобретенными завоеваниями в Северном Дагестане. В том же, 1604 году, они были атакованы Кумыками и Шамхальцами, подкрепленными Крымскими Татарами, и после весьма упорного сопротивления, не имея надежды на помощь, принуждены были наконец [12] принять предписанные от неприятеля условия, состоявшие в том, что им предоставлена была свобода возвратиться на родину. Хотя условие это неприятели подтвердили присягою, но, увидев, так сказать, одну горсть Русских, изменили свое намерение и хотели разделить их между собою, как военно-пленных. В этой крайности, Русские защищались отчаянно: с обеих сторон было ужасное кровопролитие, пока наконец все наши не пали с оружием в руках. Гарнизон города Койсу, услышав о несчастьи, постигшем его соотечественников в Тарках, Буйнаках и на Тузлуке, зажег свои жилища и благополучно переправился за Терек.

Россия, имея тогда много занятий у себя дома, не могла отмстить Шамхальцам за нанесенную ей обиду, а по вступлении на престол Царя Михаила Феодоровича. Шамхал Тарковский Сурхай-Мирза, признав над собою власть сего государя, устранил тем повод к неприязненным действиям. В 1720 году, потомок Сурхай-Мирзы, Адиль-Гирей, оставил сторону Шаха-Гуссейна за его дурные распоряжения и слабость, и подтвердил свою покорность России. Это обстоятельство, при предстоявшем тогда походе в Персию, было весьма приятно Петру Великому, тем более, что Шамхалы в то время все еще считались самыми сильными владетелями в Дагестане. Владения их состояли не только из нынешнего Шамхальства Тарковского, но и ближайšie к нему общества горцев также признавали их власть над собою. Для содержания подвластных в повиновении, они имели значительное войско, а кроме [13] собственных доходов, получали ежегодно из казны Шаха до 40 тысяч рублей.

По прибытии флота нашего к острову Четыре-Бугра, Адиль-Гирей вновь уверял в своей покорности. Император, приняв его в подданство, обещал ему защиту и покровительство.

Выйдя на берег между устьями Сулака и Терека, Петр Великий ожидал только прибытия кавалерии, отправленной из Астрахани сухим путем, чтобы предпринять наступательные действия. Но кавалерия не подоспела вовремя, как по недостатку в фураже и воде, так и потому, что была атакована на пути жителями деревни Андреевой. Хотя урон был невелик, однако известие об этом весьма огорчило Петра Великого, по той причине, что потеря понесена была преимущественно от оплошности начальника авангарда, Бригадира Ветерания, который, приближаясь с четырьмя драгунскими полками к деревне, для наказания жителей за их беспрестанные разбои, не принял должных мер предосторожности и был внезапно атакован ими в лесу. Впрочем Ветерания выкупил свою ошибку, и потеряв еще 70 человек убитыми и ранеными, прогнал Андреевцев и истребил их деревню, состоявшую тогда из 3 тысяч дворов. Переправив войска через Сулак (на камышевых плотках), Петр Великий расположил их лагерем на берегу

Каспийского Моря, недалеко от бывшего Низового Укрепления, где ныне построен Петровский Форт (Место это, до построения на нем означенного форта, всегда называлось станом Петра Великого.). [14]

Здесь Шамхал Тарковский явил новое доказательство своей покорности: он прислал подводы (арбы) для поднятия тяжестей, скота для продовольствия войск и три персидские лошади, из коих одна была оседлана окованным в серебро седлом. Император не отверг услугу Адиль-Гирея, и подтвердил все его права и имущества.

По присоединении кавалерии, Русские двинулись в Тарки. В 5 верстах от этого местечка, Шамхал встретил Петра Великого и отдавал свои войска в его распоряжение; но это предложение не было принято.

При движении из Тарков в Дербент, войска наши понесли некоторый урон от неприязненных действий Уцмия Каракайтагского.

Достоинство уцмия было второе по старшинству, постановленному в Дагестане Аравитянами. Тогдашний уцмий, Ахмет-Хан, человек хитрый и лукавый, был один из сильнейших владетелей в этом крае. Владения его состояли из двух частей, верхнего и нижнего Кайтага, и граничили к Северу с Шамхальством, к Востоку с Каспийским Морем, к Югу с Дербентом и Табасаранью, и к Западу с Казикумыкским Ханством. Народонаселения считалось 20 тысяч дворов. Власть его простиралась также, при некоторых ограничениях, и на Акушинцев, находившихся от него в зависимости потому только, что их стада паслись зимою в нижнем Кайтаге (Из владений его и в то время была достопримечательна большая и укрепленная деревня Кубечи, жители коей, говоря особенным языком, выводят свое происхождение от Европейцев, и уверяют, что, несколько веков тому назад, у них существовали серебряные и медные заводы и разные фабрики, разоренные во время нашествий Аравитян. Кубечинцы и тогда занимались выделкою огнестрельного оружия, сабель и панцырей, и особенно были искусны в золотой и серебряной работе с чернью. Они всегда защищали свои права с большим упорством и мужеством, а от того никогда не были никем покорены, в полном смысле этого слова.) . [15]

И так Уцмий Каракайтагский, Ахмет-Хан, надеясь на свои силы, решился противустать дальнейшему наступлению Петра Великого. Для этого он собрал до 16 тысяч человек, с которыми и атаковал Русских недалеко от Буйнака; но был разбит, и потеряв до 1000 человек убитыми и ранеными, бежал в Верхний Кайтаг. После чего Русские, при проходе чрез нижний Кайтаг (ныне участок дербентского уезда — Терекеме), сожгли лежавшие на пути селения и захватили до 11 тысяч голов крупного и мелкого рогатого скота. Пленные были повешены в отмщение за распоряжение Ахмет-Хана, приказавшего умертвить казаков, посланных к нему от имени Государя с письмом миролюбивого содержания.

Наказав уцмия, Петр Великий двинулся к Дербенту, жители которого встретили его с хлебом и солью и вынесли золотые ключи от крепости. Из Дербента Император писал к коменданту города Баку о принятии нашего гарнизона, но Бакинцы, подстрекаемые Дауд-Бекем, не хотели слышать о покорности.

Дауд-Бек и Сурхай-Хан, не смев открыто противиться Петру Великому, просили покровительства и защиты у Порты Оттоманской, обещая [16] уступить ей всю провинцию ширванскую, с тем только условием, что бы они были назначены там правителями. Так как Турецкий Султан, пользуясь внутренними беспорядками Персии, старался захватить все ее владения в Закавказье, то предложение Дауд-Бека и Сурхай-

Хана не было отвергнуто, и Султан обещал защищать их от действия Русских и отправить посла к нашему Императору.

Между тем Петр Великий, по недостатку продовольствия (все суда, посланные из Астрахани с хлебом, были разбиты бурей), вынужден был отказаться от овладения Баку и дальнейших своих видов, и предпринять обратное движение.

Оставив гарнизон в Дербенте, и назначив Генерал-Майора Матюшкина Главным начальником прибрежных Каспийских областей, Император выступил к Сулаку, где заложил крепость Св. Креста. Там присоединились к нашим войскам давно ожидаемые 40 тысяч Калмыков, которые тотчас же были отправлены с 1000 человек Донских Казаков для большого наказания уцмий, тревожившего Русских и при обратном движении. Посланный отряд разбил на всех пунктах неприятеля, разорил до основания все селения в Нижнем Кайтаге, и получив вновь огромную добычу разного рода, имуществом и скотом, возвратился к армии с 350 человек пленными.

По устройении крепости Св. Креста и снабжения ее всем необходимым, Петр Великий возвратился уже осенью 1722 года в Астрахань, куда прибыл к нему для переговоров и посол от Турецкого Султана. Переговоры эти длились очень долго, и [17] только в 1727 году был заключен между Россией и Турцией мирный трактат. В продолжение же времени от 1722 по 1727 год, в Дагестане были следующие происшествия.

В 1723 году Генерал-Майор Матюшкин занял силою город Баку.

В 1725 году изменил Шамхал Адиль-Гирей, оказавший Петру Великому большие услуги, во время его похода в Персию. Он был взят в плен и сослан в город Колу (Архангельской Губернии.) , где и умер. Достоинство шамхала было уничтожено, а владение присоединено к России.

Адила-Герей побудил к возмущению Уцмий Каракайтагский, Ахмет-Хан, обещавший ему содействовать вместе с Турками, обнадеживавшими прислать вспомогательное войско. Но когда Ахмет-Хан убедился, что ожидания его были напрасны, то не сдержал своего слова и изъявил покорность нашему правительству, дав присягу в верности с своими сыновьями и старшинами. По изъявлении покорности, все доходы с владений были ему оставлены, и кроме того назначено ежегодное жалованье в 2 тысячи рублей; в замен сего, он должен был со всеми подвластными участвовать, вместе с русскими, в военных действиях.

С Уцмием Каракайтагским признали над собою власть нашего правительства и Акушинцы, которых он первоначально вооружил против Русских за обещанную награду, а потом объявил своими подвластными и требовал выдачи аманатов, угрожая в [18] случае неповиновения наказанием от наших войск. Хотя угроза произвела желаемое действие, однако Акушинцы не хотели платить уцмию никаких податей, а обязались только принимать участие в военных действиях вместе с нашими войсками.

В 1725 же году покорилась нашему правительству и Табасарань, разделявшаяся и тогда на три части: западная Табасарань была вольная, северная часть восточной управлялась кадием, а южная часть восточной составляла майсумство, или владение Беков Карчагских. Достоинство майсума было и есть наследственное в одной фамилии, но подвластные их никогда не отличались большою к ним преданностью, а потому власть и влияние этих владетелей были всегда слабы. Жители восточной Табасарани занимались и занимаются земледелием и дружелюбнее, а жители западной всегда любили более свободу и занимались преимущественно скотоводством. До похода Петра Великого, Табасаранцы

должны были, по приказанию Паши Дербентского, служить в его войсках за условленную плату. По изъявлении покорности нашему правительству, они также поступили в ведение начальника города Дербента. Доходами с восточной Табасарани пользовались майсум и главный кадий; кроме того первому из них делались иногда от Русских подарки.

При вступлении Петра Великого в Дагестан, Дауд-Бек и Сурхай-Хан отдались, как сказано было выше, под покровительство Порты Отоманской. По занятии же нашими войсками г. Баку, Дауд-Бек отправился в Константинополь под тем предлогом, чтобы лично ходатайствовать об общей их пользе [19] с Сурхаем; но, в сущности, он думал только о собственных выгодах, и чрез происки свои быв возведен Турецким Султаном на степень хана, получил в управление всю ширванскую провинцию. Назначение это весьма огорчило Сурхай-Хана, и имело гибельные последствия для Дауд-Бека.

Ханы Казикумыкские долго не признавали ничьей власти над собою, и производили постоянно грабежи вместе с своими подвластными. Только перед последним персидским бунтом, Сурхай-Хан покорился Шаху, и то более по наружности, чем в действительности. Паша Дербентский принужден был дать ему титул юсбаша и назначить пенсию, что бы тем удержать от грабительств, страсть к которым привлекала к нему многих Лезгинов и соделала его сильным в горах и страшным для соседей.

Хотя Сурхай-Хан действовал в Ширвани по внушению Дауд-Бека, но, разумеется, способствовал к убиению законных владетелей для того, что бы самому воспользоваться их достоянием. А потому назначение Дауд-Бека Ханом Ширванским, сильно его раздражив, возбудило в нем ненависть к своему сотруднику. Он не признавал его ханом, а Туркам объявил, что так как они предпочли ему, природному князю, простого мужика по происхождению, то он их защиты более не требует, и не примет ее, пока не получит удовлетворения от Дауда за его бесчестный с ним поступок. После этого, Сурхай-Хан удалился с награбленными им сокровищами в казикумыкские владения, откуда действовал против [20] Дауда и Турок неприязненно, возбуждая против них Джарцев и других Лезгинов.

Убедясь, что силою нельзя было усмирить Сурхай-Хана, Турки старались склонить его на свою сторону ласками. В тоже время и Русские обратили на него внимание, как на владетеля сильного в горах, поддерживаемого многими Лезгинами, привлеченными к нему страстью к грабительству, а также и огромными богатствами, приобретенными им во время разорения городов в Ширванском Ханстве.

Сурхай-Хан пользовался своим положением, и обнадеживал обе стороны, в ожидании более выгодного предложения от которойнибудь из них. Когда же в 1727 году Турки пожаловали ему титул двух-бунчужного паши с жалованьем, и увеличили его земли присоединением кюринских владений, то он отдался им под покровительство и дал присягу в верности, не переставая впрочем действовать неприязненно против Дауда, находившегося тогда в довольно затруднительном положении.

Действительно, Дауд Бек поддерживал себя на Ханстве собственно подарками, которые наконец Турки требовали так часто и в таком размере, что награбленные им сокровища при разорении городов в Ширвани, все были израсходованы, и он вынужден был прибегнуть к тяжким налогам. Заслужив чрез то ненависть своих подданных и не быв в состоянии более удовлетворять жадности власти, его поддерживавшей, Дауд-Бек впал в немилость, а вслед за тем, в 1728 году, под предлогом некоторых преступлений против Порты, был арестован и отправлен, со всем семейством, в [21] Азиатскую Турцию. Преемником ему был назначен Сурхай-Хан Казикумыкский, искавший титул Хана

Ширванского, и желание коего было удовлетворено Турками для того, чтобы привлечь еще более на свою сторону тогдашнего первого владельца в горах. Так окончил свое поприще Дауд-Бек, виновник стольких смут и бедствий в Южном Дагестане. Хотя, по истощении всех средств, предвидя дурной конец, он и обращался к русскому правительству с просьбою о принятии его в подданство со всеми владениями, однако предложение это не могло быть принято, в следствие заключенного между Россиею и Турциею договора.

По этому договору Россия удержала все прибрежные каспийские области от Сулака до города Баку, а из горных обществ: Акушу, Каракайтаг и Табасарань. По этому же договору должны были перейти к Русским и нынешние кюринские владения. Но когда Кюринцам было объявлено о принесении присяги на верность нашему правительству, и вместе с тем о необходимости отказаться на будущее время от грабительств, большая часть из них, подстрекаемые Сурхай-Ханом, считавшим их своими подвластными, не дали присяги, сказав: «что воровство, их пашня и соха; этим жили их предки и они никакого другого средства к пропитанию от них в наследство не получили; все, чем они владеют, приобретено воровством; отказавшись от грабительства, они должны будут с голоду умереть; пусть с ними делают что хотят, они будут защищаться до последнего, и лучше погибнут честными людьми, нежели от голода.» Русское правительство не [22] сочло тогда нужным заставить их повиноваться, и отложило приведение этого в исполнение до более удобного времени.

Кроме материальных выгод, Россия приобрела и большое нравственное влияние. Доказательством тому служит просьба Аварского Хана, который явился в 1727 году, по совету Уцмия Каракайтагского, в наш лагерь, и, желая быть принятым под защиту, дал присягу в верности. Главное его намерение состояло в том, что бы с помощью Русских принудить общества Среднего Дагестана признавать его своим начальником. Он объявил, что великие дела, совершенные Русскими в Дагестане, заставили его прибегнуть к их покровительству, тем более, что они восстановили уже некогда одного из предков его, изгнанного из своего отечества и искавшего убежища в России. В подтверждение своих слов, Хан ссылался на письмо, привезенное из России изгнанником и хранившееся в их фамилии; но только не знал: Государем ли, или кем либо из бояр оно было подписано, потому что никто из них по русски читать не умеет.

Так как владения Хана Аварского были очень удалены от областей, занятых Русскими, и наше правительство не имело намерения углубляться в горы (Впрочем, в бытность нашего отряда в Андии, в 1845 году, жители утверждали, что, по просьбе Хана Аварского, жаловавшегося Петру Великому на их неповиновение, был отправлен к Хану один донской казачий полк, который, по присоединении к нему Аварцев, разбил непокорных и построил у так называемых Андийских Ворот укрепление. Андийцы твердо помнят о понесенном ими тогда поражении, и указывали на место, где было возведено укрепление, разумеется уже разоренное, и следы коего более не существуют.), то просьба его осталась без всяких [23] последствий. Письмо же, им привезенное, было не русское, а татарское и подписано Ханом Батыем.

И так начатое великим преобразователем было продолжаемо с успехом. Спустя пять лет после его ухода из Дагестана, Россия имела уже в своей власти самую лучшую и богатую часть этого края. Остальную же, гористую часть Дагестана, удержали за собою Турки. Но Хан Аварский, пользуясь своим удалением и неприступною местностью, не хотел покориться Порте Отоманской, и постоянно боролся с пограничными вольными обществами, непризнававшими ничьей власти; а Сурхай-Хан Казикумыкский, хотя и

прекратил грабежи в провинциях, принадлежащих Турции, однако повиновался ей только по наружности, потому что понимал свою силу.

В самом деле, производя с юных лет почти всегда удачные разбои, он привлек тем многих Лезгинов, живших добычею, и имел постоянно огромное число сообщников, готовых к нему явиться по первому призыву. Огромные богатства, накопленные чрез грабежи, а в особенности во время разорения Ширвани, увеличили еще более его влияние в Дагестане, и он держал многие вольные общества в повиновении столько же силою, сколько и золотом. Ласкательство Турок также не мало способствовали к возвышению Сурхая, как в его собственных, так и в глазах горцев; а когда он получил в управление Ширвань, то действительно [24] сделался первым и самым сильным владетелем в Дагестане. Увеличение доходов позволяло ему содержать до 6 тысяч Лезгинов, из коих каждому он платил ежедневно по 20 копеек серебром, а начальники их, кроме значительной платы, получали еще и подарки. После всего этого можно без преувеличения сказать, что время правления Сурхай-Хана было блистательным временем Казикумыков. Но, к сожалению, он слишком много возмечтал о своем могуществе, и решившись сопротивляться силам самостоятельного государства, руководимым искусною рукою, навлек на Дагестан новые беды.

Низвержение с престола несчастного Шаха-Гуссейна повлекло за собою гибельные последствия для Персии. Раздираемая внутренними беспорядками и потеряв многие владения, захваченные ее соседями, она находилась уже на краю пропасти, как в эту тяжкую для нее эпоху является Шах-Надир, который, усмирив волнения, разбил Турок близ Багдада (1733), и возвратил все завоеванные ими персидские области. В число возвращенных областей был включен и Ширван. Но Сурхай-Хан, не признав над собою власти Шаха-Надира, убил посланного к нему с уведомлением о присоединении его владений к Персии, и написал письмо, наполненное дерзостями. Надир счел необходимым усмирить надменность Казикумыкского Хана, и вступил с войском в Ширван, откуда Сурхай тотчас же удалился. По занятии города Шемахи и назначении там правителя, узнав, что Сурхай собрал до 12 тысяч Лезгинов и расположился с ними недалеко от столицы Ширванского Ханства, Шах-Надир двинулся против [25] него также с 12 тысячами, и в происшедшей битве разбил на голову противника, убежавшего в Казикумык. В своих наследственных владениях Сурхай не был счастливее; последовавший за ним победитель, не вняв просьбе о пощаде, занял, после жаркого дела, главное селение Казикумыкского Ханства, Кумух, и овладел всеми ханскими сокровищами; сам же Сурхай едва успел спастись с семейством в Аварию.

Двойное поражение сильнейшего в то время владетеля в горах Дагестана, обратило внимание многих Дагестанцев на Шаха-Надира. Хасфулат, сын изменившего нам Шамхала Адиль-Гирея, поспешил ему представиться, и первый признал его своим повелителем. Надир удостоил Хасфулата звания шамхала, одарил его богатыми подарками, и снисходя к его просьбе о пощаде Казикумыка, возвратил свободу всем пленным.

Для совершенного усмирения Сурхая, необходимо было проникнуть в Аварию, куда он скрылся с своим семейством. Но так как скорое приближение зимы не позволяло предпринять продолжительных военных действий, то Надир направился из Казикумыка в селение Ахты, нынешнего самурского округа. Надежда Лезгинов остановить это движете Персиян чрез разрушение моста на Самуре не осуществилась: разбитые вновь на голову, они обратились в бегство, и были лично преследованы победителем, опустошавшим ущелья и горы.

Из самурского округа Надир выступил в Гандже, нынешнему Елисаветполю. В продолжение осады этого города, длившейся довольно долго, он [26] заключил с Россией, в 1735 году, ганджинский мир, по которому назначена границей между обоими государствами река Сулак.

Во время отсутствия Шаха-Надира из Дагестана, этот край не наслаждался спокойствием. Кубинцы, воспользовавшись удалением Персиян, призвали на помощь Лезгинов и осадили своего хана в крепости Худад. Положение осажденного владельца было весьма неблагоприятное, и он неминуемо пал бы во власть своих врагов, если бы Шамхал-Хасфулат и начальник города Дербента не отразили мятежников.

Беспорядки, происшедшие в южном Дагестане, не остались без последствий и для Северного: Омма-Хан Аварский не упустил случая напасть на шамхальские владения в отсутствие Хасфулата; но Шамхальцы встретили его общими силами и разбили близ деревни Параул, где он и сам погиб.

Однако происшествия эти не отвлекли Шаха-Надира от предпринятых им решительных действий против Турок. Только по изгнании их из Кахетии и Карталинии, и по овладении Ганджинским Ханством и Армениею, он вновь обратил внимание на Дагестан, куда призывали его два обстоятельства: во-первых, приближение Крымского Хана к Дербенту, направившегося туда по повелению Турецкого Султана, а во вторых, желание наказать Джарцев, раздраживших его неисполнением добровольного обещания, относительно присылки к нему части своей конницы, а также неприязненными действиями против его войск.

Шах-Надир обратил сначала свои силы на [27] Джарцев, потерпевших от него совершенное поражение и жестоко наказанных за сопротивление (все их селения были разграблены и сожжены), а потом выступил против Крымского Хана, который назначил уже от себя начальника в Дербент, избрал нового шамхала, а Сурхай-Хану отдал Ширван. Но едва Крымский Хан узнал о приближении Персиян, как тотчас же ушел из Дагестана, оставив своих приверженцев на произвол судьбы. Шах-Надир, несмотря на приближение зимы, двинулся в нынешний самурский округ, наказал жителей за участие их в последнем возмущении и перешел оттуда в Дербент. Там получено было сведение, что избранный Крымским Ханом новый шамхал, Уцмий Каракайтаский, Ахмет-Хан и Сурхай-Хан, соединились в деревне Казаницах (шамхальского владения) и намереваются напасть на Хасфулат-Хан-Шамхала. Для уничтожения их замыслов, Шах-Надир немедленно направился чрез селение Манджалис (в Каракайтаге), где рассеял Лезгинов, занявших тесное ущелье в деревне Губден (шамхальского влад.). Шамхал-Хасфулат явился к нему в этой деревне, а уцмий, Сурхай-Хан и приверженцы их разбежались.

Из шамхальских владений Надир обратился прежде всего против Сурхая, удалившегося в Казикумык, и в декабре 1735 года встретился с непокорным ханом в трех милях от селения Кумуха. Выгодная позиция, избранная Лезгинами, не остановила Персиян, и в следствие вновь одержанной победы, явились к Надире депутаты от Казикумыкского Ханства с повинною головою и с известием о бегстве Сурхая в Аварию. Надир [28] удовольствовался принесением покорности, и дабы не утомлять войска переходами по труднодоступным местам, отложил движение в Аварию до другого времени, а вместо того направился во владения уцмий, для наказания Ахмет-Хана за его неприязненные действия.

При следовании в Каракайтаг, Надир послал часть войска против Акушинского Кадия, который хотя и добровольно ему покорился, во время движения его в Казикумык, но потом тайно оказывал пособие Сурхаю. Разбитые во многих стычках и ограбленные,

Акушинцы вынуждены были изъявить покорность. Победитель простил их, и возвратив свободу пленным, вступил в Каракайтаг. В укреплении Калей-Курейшо, местопребывании тогдашнего уцмья, он был встречен почетными лицами, представившими ему дочь Ахмета-Хана, которую послал сам отец, умоляя о пощаде. НаDIR даровал и ему прощение. В это же время Табасаранцы и жители нынешнего самурского округа изъявили также покорность, обещая повиноваться во всем новому их властелину.

После этих происшествий, казалось, Дагестан смирился, и действительно с 1736 по 1739 год спокойствие там не было нарушено; но в 1739 году, когда НаDIR находился в Индостане, возмутились Джарские Лезгины, действовавшие с большим успехом против правителей НаDIRа. Узнав об этом, НаDIR приказал, во время его отсутствия, ограничиться прикрытием Ширвана от действия горцев, и только по усилении войск в Закавказском Крае открыть наступательные действия против Джарцев. Атакованные в феврале 1741 года [29] Персиянами, Джарцы защищались весьма упорно; но ни отчаянное мужество, ни крепкая местность не спасли их от совершенного поражения. Потеряв один за другим укрепленные ими три пункта, известные своими трудными доступами, и не видя возможности к спасению, Джарцы бросались со скал, а менее решительные гибли под ударами неприятельских кинжалов. Неучаствовавшие в битвах жители спешили укрыться с семействами в горы, но там не избавились от преследования Персиян, не пощадивших ни возраста, ни пола и истребивших все джарские селения до такой степени, что не осталось почти и следов бывшего народонаселения.

Наказание Джарцев так сильно подействовало на всех Лезгинов, что когда они узнали о выступлении Шаха-НаDIRа в Дагестан в 1742 году, то изъявили желание вступить в подданство России, о чем и писали к главному начальнику в Кизляре, однако предложение их было отвергнуто.

Между тем счастье изменило Шаху-НаDIRу в 1742 году. Хотя тотчас по его прибытии в Казикумык, явились к нему шамхал, уцмий и Сурхай-Хан со многими почетными лицами Дагестана, а лезгинские племена спешили доставить продовольствие его войскам, но потом, когда он предпринял поход в Аварию, то близ деревни Чоха (в андалальском обществе) потерпел совершенное поражение, и принужден был отступить в Казикумык без всякого успеха. Одержанною победою при Чохе, Лезгины хвалятся до сих пор.

Понесенная неудача в Андалальском обществе, приближение осени и произведенное Каракайтагцами [30] нападение, по наущению самого уцмья, на отряд Персиян, следовавший чрез их земли, заставили НаDIRа принять более действительные меры к усмирению горцев, начинавших терять веру в его могущество. С этой целью, он приказал собирать продовольствие для продолжительного похода, а войска свои расположив в нынешнем терекемейском участке дербентского уезда, где построенные им укрепления не избавили Персиян от многих лишений и трудов: Лезгины беспрестанно их тревожили, пересекали сообщения, затрудняли фуражировки, а иногда производили воровства и в лагере.

В предпринятом весной 1743 года походе, в котором участвовали шамхал и Сурхай-Хан, гнев НаDIRа разразился первоначально на Табасаранцах, а потом на жителях Кайтага и других взволновавшихся обществ. Из действий этого похода, направленные против уцмья более других заслуживают внимания.

Посланный с частью войска в собственные владения, для привода оттуда жителей, назначенных в аманаты и доставления их в Дербент, уцмий не возвратился к НаDIRу, а

заперся в крепости Калей-Курейше, где, полагаясь на защиту почти неприступной местности, надеялся отстоять свою независимость. Однако расчеты его не оправдались: после трех-дневного упорного боя, он принужден был искать спасения в бегстве в Аварию, а по удалении его, Каракайтагцы тотчас же изъявили покорность. Тогда Надир приказал скрыть до основания Калей-Курейш, и, сделав распоряжения по управлению Дагестаном, отправился сам на границу Турции. [31]

Пользуясь отсутствием Шаха-Надира, Магомет, сын Сурхай-Хана, собрал ополчение, и, соединившись с Дербентцами и Табасаранцами, возмутил Ширван. Предлогом к этому неприязненному действию послужило защищение мнимых прав Сам-Мирзы, выдававшего себя за сына несчастного Шаха-Гуссейна и бежавшего в Дагестан из Азербейджана, где, за производимые им волнения в народе, он был изуродован братом Шаха-Надира.

Хотя мятежники уничтожили попытки правителя Ширвани утешить восстание, и овладели Шемахою и почти всем Ханством, но успехи их были кратковременны; в конце 1743 года прибыли свежие персидские войска и после сражения близ гор. Ахсу (ширванского уезда), в котором Лезгины потеряли до 1.000 человек убитыми и пленными, Магомет, сильно раненный, бежал в Казикумык, а Сам-Мирза удалился в Грузию.

По возвращении с турецкой границы в начале 1744 года, Шах-Надир, не смотря на суровую зиму, отправился налегке в Дагестан, где разграбил и разорил всех жителей, неожиданных его нападения, а оттуда двинулся в нынешний шекинский уезд, для наказания непокорных Шекинцев, укrywшихся в укреплении Гелясен-Гюраген. После безуспешных покушений овладеть этим укреплением, он опять обратился против Турок.

Поход Шаха-Надира в 1744 году есть последнее его появление в Дагестане. Еще с 1739 года, когда обнаружилось первое частное восстание, власть его начала колебаться в этом крае, а после поражения, претерпенного им в андалальском обществе, в 1742 [32] году, горцы почти совершенно потеряли веру в его могущество, и от того, во время последнего похода, только некоторые из владельцев явились к нему с подтверждением покорности. С отбытием же Шаха-Надира из Дагестана, влияние его более и более уменьшалось, и наконец достигло до того, что никто не хотел повиноваться Персиянам. Происходившие беспорядки поддерживал и Турецкий Султан, внушением которого внимали охотно жители Дагестана, во первых потому, что он принадлежит с ними к одной секте, а во вторых потому, что не жалел ни денег, ни наград для привлечения владетелей на свою сторону. Так, данными в то время от него грамотами, пожалованы трех-бунчужными или двух-бунчужными пашами: Уцмий Каракайтагский, его сын Бек Дженгутаевский, Майсум и Кадий Табасаранский.

Начавшиеся беспорядки в Дагестане с отбытием из этого края Шаха-Надира, вскоре после насильственной его смерти, последовавшей в 1747 году, перешли в общее смятение и безначалие, в следствие коих Ширван навсегда отделился от Персии и из него образовались Ханства: Дербентское, Кубинское, Бакинское, Ширванское и Шекинское. Владетели этих ханств, управляя наследственно и независимо, сделались наконец самостоятельными государями.

Если смятение и безначалие, обнаружившиеся после смерти Шаха-Надира, имели такое сильное влияние на Ширван, почти всегда составлявший одно целое, то тем большее влияние они должны были оказать на Дагестан, всегда раздробленный во многих [33] отношениях. Действительно, владетели сделались совершенно независимыми, а вольные общества, и до того неохотно повиновавшиеся, решительно не признавали ничьей власти над собою. Еще при жизни Шаха-Надира, по случаю понесенных им некоторых неудач в

Дагестане, Азия считала Лезгинов непобедимыми и недоступными для наказания, а после смерти его, когда не было силы, могшей их обуздать, они вполне предались буйству и грабежам. Пользуясь удобным выходом на плодородные равнины чрез землю своих единоплеменников, Джарцев, Лезгины производили беспрестанные набеги и вселили к себе такой страх и уважение, что соседи вынуждены были их нанимать для защиты границ от покушений их же соотечественников, а прочие владетели, ханы персидские и турецкие паши, для защиты своей независимости и безопасности. Так, Ханы Ширванский и Ганджинский, Паши Карский и Ахалцыхский, владетель Мингрелии, Цари Имеретинский и Грузинский, содержали, смотря по своим средствам более или менее Лезгинов, которые охотно предлагали свои услуги тому, кто щедрее им платил.

Грузинский Царь Ираклий II нанимал первоначально Лезгинов для сбора дани с Ханств Ганджинского, Карабагского и Эриванского; а потом, в следствие понесенного им поражения от Аварского Омар-Хан (Ума-Хана), он вынужден был сам платить дань, с обязательством со стороны победителя защищать пределы Грузии от вторжения в нее дагестанских хищников. Но взаимное неисполнение заключенных условий и беспрепятственное, по прежнему, производство Лезгинами грабежей, от [34] которых не избавило и учреждение поголовной милиции, заставили наконец Ираклия призвать, для защиты пределов государства, 10 тысяч тех же самых грабителей горцев. К сожалению, мера эта не достигла своей цели, а только увеличила беспорядки: кроме того, что призванные защитники сами насильствовались даже среди Тифлиса, они еще тайно вводили своих единоплеменников, и те устраивали засады, захватывали населения целых деревень.

Коротко: никогда Лезгины не были так страшны, вообще для всего Закавказья, как во второй половине XVIII столетия, а в особенности когда имели предводителем Омар-Хана Аварского.

Владения Омар-Хана превосходили немногими нынешние аварские владения. Но, дополняя недостаток материальных средств, дерзкою предприимчивостью и необыкновенною неустрашимостью, он обратил на себя внимание всех Лезгинов. Первоначально горцы принимали охотно участие в его набегах, в надежде на верный успех; а потом, когда Омар, приобретя сильное влияние и вес в горах, подчинил себе некоторым образом многие вольные общества, свободные Дагестанцы являлись к нему по первому призыву, как бы признавая его власть над собою. Располагая тогда огромными средствами, он вполне воспользовался своим положением и заставил платить себе дань Грузинского Царя Ираклия II, Ханов Дербентского, Кубинского, Бакинского, Ширванского, Шекинского и Пашу Ахалцыхского, с тем только условием, что бы не причинять более вреда их владениям. Дань, вносимая [35] означенными владетелями, простиралась на наши деньги до 85 тысяч рублей серебром.

После этого можно сказать без преувеличения, что ни одно владетельное лицо в Дагестане не достигало до той степени могущества, как Омар-Хан Аварский. И если Казикумыки гордятся своим Сурхай-Ханом, то Аварцы, всегда самое сильное племя в горах, еще более имеют права вспоминать с гордостью об Омар-Хане, бывшем действительно грозою всего Закавказья. Однако подобное положение дел не могло быть продолжительно, и угнетенные должны были искать защиты и покровительства.

Грузия, постоянно более всех страдавшая от Лезгинов, первая обратилась с просьбою о помощи к единой державе, России. Император Павел I-й, вняв мольбам Грузинского Царя Георгия XIII о присылке к нему войск, Высочайше повелел генералу Лазареву отправиться с одним полком и состоявшею при нем артиллерию в Тифлис, куда он и вступил торжественно осенью 1799 года. С этих пор началась кровавая и упорная борьба с

Лезгинами, которые, видя в Русских твердую опору для Грузии и непреодолимую для себя преграду, не могли не искать случая, чтобы отмстить Георгию XIII за призвание новых защитников.

Случай этот представился в том же 1799 году; Грузинский Царевич Александр, брат Царя Георгия XIII, но от другой матери, по удалении в Персию вступив в открытую борьбу с своим братом, обратился также с просьбою о содействии и к Аварскому Омар-Хану, непримиримому врагу Грузии. Приглашение его не осталось без ответа, и собравшиеся [36] в Джарах Дагестанцы двинулись оттуда к Сигнаху, под предводительством Омар-Хана, водившего их часто на верную победу. Однако на этот раз надежды Лезгинов не сбылись. Настигнутые генералом Лазаревым с 1.200 человек пехоты и 3000 пеших и конных Грузинов у реки Иоры, близ деревни Кагабета, они были разбиты на голову (7 ноября 1799) и оставили весь лагерь в добычу победителям.

Хотя кагабетская битва сильно подействовала на Лезгинов, прекративших почти набеги в продолжение двух лет, но Грузия вкусила только кратковременный покой, потому что, со смертью Георгия XIII, Дагестанцы, подстрекаемые недоброжелателями Российскому Правительству, снова сделались опасны, и начали производить более и более дерзкие набеги. В следствие этого, последний Грузинский Царь Георгий XIII неотступно просил о принятии его в подданство со всеми владениями, и когда Россия убедилась, что Грузия, по внутреннему своему расстройству, не могла уже существовать самобытною, то она была присоединена к Империи в 1802 году, и тогда же введено было там русское правление.

С присоединением Грузии увеличились и заботы нашего правительства. Необходимо было обеспечить границы нового владения и сохранить его в целости: а чтобы достигнуть этой цели надлежало смирить главнейших врагов Грузин, Дагестанцев, и лишить их удобного выхода из гор на равнины. Следовательно, покорение Джарских Лезгинов, чрез земли которых производились главные набеги, было предприятием первой важности. Для приведения этого [37] предприятия в исполнение, Князь Цицианов, бывший в то время главноуправляющим краем, приказал генералу Гулякову переправиться, с 3-мя батальонами пехоты и 2 мя сотнями казаков, чрез реку Алазань и захватить все деревни, на левом берегу этой реки лежавшие, но внутрь джаро-белоканских земель не вдаваться.

Генерал Гуляков исполнил возложенное на него поручение самым блистательным образом. По совершении переправы (в марте 1803 года), найдя селения опустелыми и узнав, что Лезгины укрепились под Белоканами, лежащими у подошвы главного хребта, он смело двинулся к этой деревне с вверенным ему отрядом, увеличенным 5000 добровольно-присоединившихся к нему Грузинов и Казахцев. Белоканы были взяты штурмом, и Гуляков не ограничился этим успехом, но, пользуясь наведенным страхом, подступил к селению Джарам, где был встречен джаро-лезгинскими депутатами, умолявшими о пощаде и готовыми принять все условия от победителя.

Предписанные условия отдававшимся в совершенное подданство России джаро-белоканским владениям, не касаясь их внутреннего управления и вероисповедания, заключались: в ежегодной плате определенной подати и выдаче аманатов, в представлении русским войскам права располагаться в этих селениях по усмотрению начальства, в запрещении принимать к себе недоброжелателей России, Царевича Александра и его сообщников, и пропускать чрез свои владения в Грузию Дагестанцев и других хищников; в предоставлении свободы христианского [38] вероисповедания Ангильойцам, которые были оставлены, по прежнему, в зависимости Джарских Лезгинов, и во включении в подданство России также элисуйского владетеля.

Таким образом притон всех дагестанских хищников, Джаро-Белоканы, потеряли свою независимость, и с того времени злобредность Лезгинов для края, и с тем вместе влияние Дагестана на Закавказье, постепенно стали уменьшаться. Когда же Россия опоясала своими владениями горы Дагестана со всех сторон, то Лезгины еще менее сделались страшными, а в последствии вынуждены были смириться.

Посмотрим, как Россия постепенно распространяла свою власть вокруг гор Дагестана, начиная от границ Грузии до Сулака, и в самых горах.

Известно, что по ганджинскому трактату, заключенному в 1735 году, границею между Россиею и Персиею назначена была река Сулак. Известно также, что, по смерти Шаха-Надира, Ширван распался на части. Владельцы этих частей, почти равные друг другу силою, непрерывно враждовали между собою и чувствовали, что не могут обойтись без зависимости от какой нибудь мощной державы. Как только в Закавказье появилась самостоятельная и твердая сила, то шаткие власти ханов тотчас же стали сами собою искать ее покровительства и защиты. Таким образом, в числе прочих владений, и Ханства Шекинское и Ширванское добровольно вступили в подданство России в 1805 году.

Ханства Бакинское, Кубинское и Дербентское также добровольно покорились еще в 1799 году. Но [39] потом тайные сношения владетелей их с Персиянами, грабежи по Каспийскому Морю и наконец изменническое убийство под Баку Князя Цицианова, заставили российское правительство, после бегства владетелей от боязни справедливого наказания в Персии, упразднить эти ханства и присоединить их к Империи, в 1806 году, под именем провинция.

Уцмийство Каракайтагское, с 1747 по 1802 год, не признавало ничьей власти над собою. В этом же году, прибывший в Дербент Генерал-Майор Князь Мадатов первый вступил в сношения с тогдашним уцмием Адель-Ханом, и после многих стараний склонил его на верноподданство Государю. В доказательство покорности, уцмий выдал аманатом старшего своего сына

Не смотря однако на изъявленную покорность, Адель-Хан избегал сношений с русскими, и, по свойственному всем горцам легкомысленному и вероломному характеру, вскоре стал тяготиться зависимостью от них и желал отложиться. Для исполнения сего намерения, он выжидал только возвращения сына, и едва тот был отпущен из аманатов, как бежал вместе с ним в Аварию, к тамошнему Хану Султан-Ахмету.

После бегства Адель-Хана, уцмийство рушилось навсегда, и хотя отдано было в его род, но без титула уцмий.

Примечание. В настоящее время Кайтагом называется собственно горная часть прежнего уцмийства. Нынешний владетель, Джамов-Бек, сын Адель-Хана; но власть его чрезвычайно слаба и все управление находится в руках старшин. Нижний же [40] Кайтаг вошел в состав дербентского уезда, под названием терекемейского участка.

Достоинство шамхала, уничтоженное Русскими в 1725 году и восстановленное Шахом-Надиром, не могло более достигнуть того значения в Дагестане, каким оно пользовалось прежде. Все старания шамхалов остались тщетными, и они навсегда утратили вес и влияние между горцами, а в особенности при жизни Омар-Хана Аварского. Звание валия дагестанского осталось у них только пустым титулом. Сын Хасфулата, Муртазали, вступил в подданство в 1786 году, и с тех пор шамхалы сохраняют непоколебимую верность. Преемник Муртазали, Шамхал Мехти-Хан, за искреннюю преданность нашему

правительству, получил чин генерала-лейтенанта, саблю, драгоценными камнями украшенную, золотую медаль, осыпанную бриллиантами, с надписью: «за усердие и верность» знамя с Императорским гербом, бриллиантовое перо на шапку, в знак начальства, по азиатскому обычаю, и 6.000 рублей жалованья.

Ханство Мехтулинское, образовавшееся в XVIII столетии, последовало примеру Шамхала Тарковского и покорилось в след за ним.

Омар-Хан Аварский присягнул на верность в 1802 году. Сын его, Султан Ахмет-Хан, подтвердил эту присягу в 1803 году.

Майсум и Кадий Табасаранский покорились в 1786 году, вместе с Ханами Кубинским и Дербентским.

Ханство Казикумыкское и Кюринское признало власть над собою России в 1806 году. Но потом вскоре взбунтовалось и было вновь покорено в 1811 году, а вместо изменника Сурхай-Хана признан [41] владельцем племянник его, Аслан-Хан, получивший, в последствии, за свою приверженность, чин генерал-майора, и служивший нашему правительству, по выражению генерала Ермолова, как простой солдат.

И так, когда весь Дагестан был признан за Россию в 1813 году, когда она, постепенно охватывая горы, утвердилась на плоскости, и когда самые владельцы в горах признали власть ее над собою, вольным обществам ничего более не оставалось как смириться.

Без всякого сомнения, не обошлось без частных вспышек; но возмущения строго наказывались и никогда не влекли за собою важных последствий. Так например:

В 1819 году генерал Ермолов усмирил взволновавшуюся Акушу и строго наказал жителей за нарушение спокойствия. Акушинцы и до сих пор со страхом произносят его имя.

В 1820 году было вновь покорено Кюринское Ханство.

В 1821 году Султан Ахмет-Хан Аварский нарушил данную им присягу в 1803 году, и вооружил против России значительную часть горцев, также Ханство Мехтулинское. Экспедиция генерала Вельяминова против изменника и совершенное разбитие его скопищ при селении Аймаках, считавшемся неприступным, утушили восстание, и с того времени до 1828 года российское правительство признавало Ханом Аварским Сурхай-Хана, незаконного сына Султана Ахмет-Хана. В 1828 году, настоящий сын его и наследник, Абу-Султан Нунцал-Хан, покорился, признан Ханом Аварским и получил [42] чин полковника. Сурхаю же вверено в управление несколько деревень, и хотя он продолжал носить титул Хана Аварского, но в управление ханством не вмешивался.

Впрочем, за исключением этих частных возмущений, Дагестан пользовался достаточным спокойствием. Соседние жители гор, не опасаясь прежних набегов, предались земледелию, промышленности и торговле, а Лезгины, не могшие так скоро отвыкнуть от буйной своей жизни, производили только незначительные разбои, и должны были навсегда отказаться от прежнего влияния на Закавказье.

Текст воспроизведен по изданию:
С. Петербург. 1848.
Неверовский. «Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан.»

www.lezgichal.ru